

## А. С. Грибоедову – 230 лет со дня рождения

158



Рис. Полины Ольденбурге

# ГЕНИЙ СЛОВ КРЫЛАТЫХ

*Талина  
Свинцова*

Александр Сергеич...

Наше сердце привычно замирает при этом священном имени.

А вот и не угадали! Не один Пушкин имел эксклюзивное право его ношения. Другой москвич с не менее, если не более в своё время известной и не менее смешной фамилией получил это имя на несколько лет раньше российского поэтического гения.

Это он с небрежностью светского льва носил модный взбитый кок и стильные круглые очки. Его красота и легкомыслие в сочетании с наследственным, а также приобретённым на блестящем служебном поприще богатством позволяли ему некоторые шалости, но не мешали в то же время быть вундеркиндом, знавшим к 11-ти годам шесть языков (французский, немецкий, английский, итальянский, самостоятельно изучил латинский и греческий, позже персидский, арабский и турецкий) и уже осмелившимся быть знаменитым студентом Московского университета, а к 17-ти годам закончить три его факультета (словесный, юридический и математический).

Подумать только! Вундеркинд посещал университетские занятия в сопровождении гувернёра! Но не будем забывать, что это был всего лишь ребёнок.

Ребёнок повзрослел, и непопулярные проступки (дуэль с трагическим концом, в которой он был секундантом на стороне убийцы) вывели его за преде-

лы столиц на беспокойный Кавказ, где он сумел неожиданно получить известность как один из самых знаменитых русских дипломатов.

Наконец, он, заявивший на весь мир о том, что «счастливые часов не наблюдают», «блажен, кто верует, тепло ему на свете», «чины людьми даются, а люди могут обмануться», своим умом привёл в восторг великого Пушкина.

Ну, вот и славно! Вас наверняка осенила догадка. Конечно, это бессмертный Грибоедов (15. 01. 1795, Москва – 11. 02. 1829, Тегеран), так трагически рано закончивший своё блестящее поприще! Это он – отпрыск знаменитого дворянского рода, родоначальник которого Ян Гржибовский – выходец из Польши.

При встрече с Грибоедовым каждому приходило на ум: и все эти бесчисленные таланты – одному?! Возможно ли это! Почему столь расточительна природа, наградившая всем одного избранного.

Не лучше ли было разделить между добрым десятком достойных людей его дипломатический ум, дарование пианиста, талант композитора, невероятные способности полиглота, славу Дон Жуана, успех карьерный и оставить потомкам только одно: его изумительный поэтический гений, сделавший его автором одного прославленного в веках произведения.

«О стихах не говорю! Половина войдет в поговорку!» – воскликнул Пушкин, прочитав «Горе от ума».

И вот уже две сотни лет мы не устаём повторять вслед за Грибоедовым, что «свежо предание, а верится с трудом», «служить бы рад, прислуживаться тошно», что «злые языки страшнее пистолета!».

И вот уже две сотни лет мы слушаем в исполнении арфы вальсы Грибоедова на самых престижных классических концертах!

Какой счастливчик! Как романтично складывалась его жизнь!

Ещё студентом он бросается на войну с Наполеоном Бонапартом, за-

писавшись добровольцем на военную службу – корнетом в гусарский полк. Но судьба берегла его до поры до времени – он ещё был нужен провидению для выполнения возложенной на него великой миссии.

Итак, в боевых действиях он участия не принимал, всю кампанию провёл в резерве. Разочарованный Грибоедов выходит в отставку и поступает на службу в коллегию иностранных дел. Вот где ему суждено было встретиться с Пушкиным – они оказались сослуживцами!

Грибоедов успевал всюду. Но гусарская жизнь не прошла даром! – юный кутила был замечен во многих шалостях: в Брест-Литовске въехал верхом на лошади на 2-й этаж на бал, куда его не пригласили. Или забрался в польский костёл, где во время богослужения стал играть на органе. Всех восхитил своей игрой, пока в самый благостный момент внезапно не перешёл на «Камаринскую».

За ним по пятам ходила репутация отчаянного повесы. Дурачества его становились темой множества анекдотов о весёлой охоте за чужими жёнами.

Он даже выработал себе несколько пренебрежительный взгляд на женщин:

«Я враг крикливого пола. Чему от них можно научиться? Они не могут быть ни просвещёнными без педантизма, ни чувствительными без жеманства. Рассудительность их сходит в недостойную расчётливость и самая чистота нравов – в нетерпимость и ханжество. Они чувствуют живо, но не глубоко. Судят остроумно, только без основания, и, быстро схватывая подробности, едва ли могут постичь, обнять целое. Есть исключения, зато они редки; и какой дорогой ценой, какую потерю времени должно покупать приближение к этим феноменам! Словом, женщины сносны и занимательны только для влюблённых».

Одна из интриг с женщинами привела к нашумевшей дуэли Шереметева с графом Завадовским из-за знаменитой балерины Истоминой, о которой Пушкин в «Евгении Онегине» писал:

Блистательна, полувоздушна,  
Смычку волшебному послушна,  
Толпою нимф окружена  
Стоит Истомина. Она,  
Одной ногой касаясь пола,  
Другую медленно кружит,  
И вдруг прыжок, и вдруг летит –  
Летит, как пух от уст Эола.  
То стан совьёт, то разовьёт  
И быстрой ножкой ножку бьёт.

Влюблённый Шереметев был убит, Якубович – секундант Шереметева – был признан зачинщиком и сослан на Кавказ. Убийца Завадовский выслан за границу, а вот его секундант Грибоедов – счастливчик! – не понёс никакого наказания, что дало повод к неким слухам. Возможно, потому, что, как говорили, Грибоедов был масон. Слухи усилились, когда стало известно о жестоком подавлении войсками крестьянского бунта в поместье матери Грибоедова. Мать так старалась поддерживать высокий статус достойной её сына жизни, что не гнушалась ничем и замучила своих крестьян поборами.

Нуждаясь в средствах, Грибоедов летом 1818 года определился секретарём Персидской миссии при главнокомандующем Кавказским корпусом генерале Ермолове. Но ехать в Персию Грибоедову не хотелось.

«Представь себе, – писал он своему близкому другу, мемуаристу Степану Бегичеву, – что меня непременно хотят послать – куда бы ты думал? – в Персию, и чтоб жил там. Как я ни отнекиваюсь, ничто не помогает; однако я третьего дня по приглашению нашего Министра был у него и объявил, что не решусь иначе, как если мне дадут два чина тотчас при назначении меня в Тегеран. Он поморщился, а я представлял ему с всевозможным французским красноречием, что жестоко бы было мне цветущие лета свои провести между дикообразными азиатцами, в добровольной ссылке, на долгое время отлучиться от друзей, от родных, отказаться от литературных успехов, которых я здесь вправе ожидать, от всякого общения с просвещёнными людьми, с приятными женщинами, которым я сам могу быть

приятен (не смейся: я молод, музыкант, влюбчив и охотно говорю вздор, чего же им ещё надобно?), словом, невозможно мне собою пожертвовать без хотя несколько соразмерного возмездия».

Грибоедову предоставили выбор: русская миссия в США или на Кавказ, в Персию. Он выбрал Кавказ.

По дороге туда ему предстояла ещё одна дуэль с сосланным Якубовичем – известным бретёром. Но и здесь – о счастливчик! – Грибоедов остался жив! Правда, был ранен в руку, повредил мизинец. Якубович, увидев это, в сердцах крикнул ему:

– Хоть на фортепьянах стучать не будешь!

...С момента этого ранения Грибоедов носил на поврежденной фаланге левого мизинца металлический напёрсток – подобие протеза. А что касается игры на «фортепьянах», то – да, как раз стучал... когда металлический мизинец завершал пассаж.

Кавказскую жизнь скрашивали друзья – Кюхельбекер, грузинский поэт Александр Чавчавадзе... Грибоедов проводил вечера в этом гостеприимном семействе, учил маленькую дочь Чавчавадзе Нину играть на рояле.

В феврале 1819 года русская дипломатическая миссия прибыла в Тавриз – резиденцию наследника шахского престола Аббаса-Мирзы, затем была принята шахом в Тегеране.

«Пребывание в Персии и уединённая жизнь в Тавризе сделали Грибоедову большую пользу, – писал позже Бегичев. – Сильная воля его укрепилась, всегдашнее любознание его не имело уже преград и рассеяния. Он много читал по всем предметам наук и много учился».

По Гюлистанскому трактату русская миссия имела право требовать у персов возвращения русских солдат – раненых и дезертиров. В результате осенью 1819 года Грибоедов привёл в Тифлис целый отряд из семидесяти сарбазов, за что был представлен генералом Ермоловым к награде.

Грибоедов всегда был склонен к литературным занятиям. Но большая



мечта не оставляла поэта. Он хотел создать нечто такое, что потрясло бы его современников. Пока ещё литературные опыты не были столь успешными. Но вот в один прекрасный момент в Тифлисе ему приснился вещий сон.

Во сне поэт увидел своего близкого друга, который спросил, написал ли он для него что-нибудь. Грибоедов ответил, что давно уже не пишет. «Дайте мне обещание, что напишете». – «Что же вам угодно?» – «Сами знаете». – «Когда же должно быть готово?» – «Через год непременно». – «Обязываюсь».

Грибоедов добивается годового отпуска, чтобы написать обещанное. Отпуск ему был предоставлен. А в марте 1823 года он завершает комедию «Горе от ума».

«Последние акты пьесы, – вспоминал Бегичев, – написаны в моём саду, в беседке. Вставал он в это время почти с солнцем, являлся к нам к обеду и почти всегда скоро уходил и приходил к чаю, проводил с нами вечер и читал написанные им сцены. До чего приятны были для меня частые беседы наши вдвоём. Сколько сведений он имел по всем предметам! Как увлекателен и оду-

шевлён он был, когда открывал мне нараспашку свои мечты и тайны будущих своих творений! Много он рассказывал мне о дворе персидском и обычаях персиян, а также о Ермолове и об экспедициях, в которых он с ним бывал».

Он был скромен и снисходителен в кругу друзей, но сильно вспыльчив, заносчив и раздражителен, когда встречал людей не по душе. Тут он готов был придирается к ним из-за пустяков, и горе тому, кто попадался к нему на зубок...

Единственный человек, суда которого боялся создатель бессмертного «Горя от ума», был баснописец Иван Крылов. С трепетом направился к нему первому Грибоедов, чтобы показать свой труд.

– Я привёз манускрипт! Комедию...

– Похвально. Ну, что же? Оставьте.

– Я буду читать вам свою комедию.

Если вы с первых сцен попросите меня удалиться, я исчезну.

– Извольте сразу начинать, – ворчливо согласился баснописец.

Проходит час, другой – Крылов сидит на диване, свесив голову на грудь.

Когда же Грибоедов отложил рукопись и из-под очков вопросительно

посмотрел на старика, его поразила перемена, произошедшая в лице слушателя. Лучистые молодые глаза сияли, беззубый рот улыбался. Он держал в руке шёлковый платок, готовясь приложить его к глазам.

– Нет, – замотал он тяжёлой головой. – Этого цензоры не пропустят. Они над моими баснями куражатся. А это куда похлеще! В наше время государыня за сияющую пиесу по первоупутку в Сибирь бы препроводила. Вот вам и Грибоедов.

Эти слова оказались пророческими. При жизни Грибоедова его комедия не была ни напечатана полностью, ни поставлена на сцене.

«Первое начертание этой сценической поэмы, – с горечью писал Грибоедов, – как оно родилось во мне, было гораздо великолепнее и высшего значения, чем теперь в суетном наряде, в который я принуждён был облечь его. Ребяческое удовольствие слышать стихи мои в театре, желание им успеха заставили меня портить моё создание, сколько можно было».

Но даже опубликованные отрывки сделали Грибоедова знаменитым. Пьеса ходила по столице в бесчисленных списках. Всё же первым изданием она вышла лишь в немецком переводе в 1831 году. Наконец, в 1833 году Николай I разрешил напечатать комедию в России – «чтобы лишить её привлекательности запретного плода».

Ничего равного этой комедии Грибоедов больше не написал.

В мае 1825 года Грибоедов прибыл в Киев. Многие отмечали мрачное настроение поэта. Он сам писал Бегичеву:

«Пора умереть! Не знаю, отчего это так долго тянется. Тоска неизвестная! Представь себе, что со мною повторилась та ипохондрия, которая выгнала меня из Грузии. Сделай одолжение, подай совет, чем мне себя избавить от сумасшествия или пистолета, а я чувствую, что то или другое у меня впереди...»

Но удача не оставила поэта и в жестокие времена подавления декабрьского восстания 1825 года.

Общение с князем Трубецким, с другими членами тайного Южного общества

не привело Грибоедова к декабристам. Известны его слова: «убийственная болтовня!» Они были сказаны как раз в адрес тех самых «мудрецов, намечающих в пять минут всё переустроить». Кроме того, рассеянный образ жизни поэта был слишком хорошо известен его друзьям.

«Люди не часы, – писал он. – Кто всегда похож на себя и где найдётся книга без противоречий?»

Тем не менее в январе 1826 года Грибоедов был арестован – недаром в бумагах декабристов находились списки его комедии! – а уже 11 февраля находился на гауптвахте Главного штаба в Петербурге, где четыре месяца провёл в заключении. Ходили слухи, что поэт был вовремя предупреждён об аресте генералом Ермоловым и успел уничтожить важные бумаги. Сам Грибоедов в Следственной комиссии и в личном письме к царю полностью отрёкся от участия в делах тайного общества, хотя и не скрывал, что «брал участие в смелых суждениях насчёт правительства». Сыграло свою роль и заступничество генерала Паскевича, члена Следственной комиссии.

Впрочем, отношение к арестованному на гауптвахте Главного Штаба нельзя было назвать чрезмерно строгим.

Вспоминает полковник Липранди:

«...Из прихожей стеклянная дверь, через неё я вижу несколько человек около стола за самоваром; всё это во втором ночи меня поразило. За чайным столом сидели: бригадный генерал Кольм, известный Грибоедов, адъютант Ермолова Воейков, отставной подпоручик Тучков, предводитель дворянства Алексеев. Через час мы все были как старые знакомые. Расспросам и взаимно сообщавшимся сведениям не было конца. Содержались мы за свой счёт, обед брали из ресторации, позволено было выходить вечером с унтер-офицером для прогулки. Книг, набранных Грибоедовым, было много...»

Довольно скоро Грибоедов был освобождён с полным «очистительным аттестатом».

Поэт сразу уехал на Кавказ.

В июле 1826 года началась русско-персидская война, Грибоедов участвовал в военном походе на крепость Эривань.

С 1827 года при новом наместнике Кавказа – его родственнике Паскевиче – Грибоедов ведал дипломатическими сношениями с Турцией и Персией.

После падения крепости шах готов был на территориальные уступки, хотя боялся контрибуции. В результате дипломатических переговоров в феврале 1828 года Персидская миссия заключила Туркманчайский мир, по которому Персия навсегда уступала России Нахичеванское и Эриванское ханства и обязывалась уплатить 30 миллионов рублей контрибуции.

Заслуги Грибоедова в заключении Туркманчайского мира были весьма заметны. Именно его отправили в Петербург с Трактатом о мире.

15 марта 1828 года император принял Грибоедова. За успешные действия генерал Паскевич был пожалован званием графа Эриванского и миллионом рублей награды, а молодой дипломат – чином действительного статского советника, орденом Святой Анны 2-й степени с алмазами, медалью за персидскую войну и четырьмя тысячами червонцев.

Всё, казалось бы, складывалось для Грибоедова в высшей степени благоприятно, но некая тайная грусть мешала ему.

«Случилось обедать с ним у Греча, – вспоминал писатель, книгоиздатель Ксенофонт Полевой. – Я увидел Грибоедова за фортепьяно; он сопровождал известному Този и какому-то другому итальянцу. Дуэт кончился, Грибоедов был окружён многими. Некоторые поздравляли его с почестями, о чём ярко напоминали бриллианты, украшавшие грудь поэта. Другие желали знать, как он провёл время в Персии. “Я там состарился, – отвечал Грибоедов. – Не только загорел, почернел, но и в душе не чувствую прежней молодости!”»

Бегичеву при встрече он сказал:

– Прощай, брат Степан, вряд ли мы с тобой более увидимся.

– К чему эти мысли? Ты бывал и в сражениях, но Бог тебя миловал.

– Я знаю персиян, – отвечал он. – Аллаяр-хан, мой личный враг, от меня уходит! Не подарит он мне заключённого с персиянами мира.

Вскоре Грибоедов был назначен «полномочным министром» в Персию для обеспечения условий договора.

Назначая Грибоедова послом в Тегеран, император желал придать договору необратимый характер, чтобы обезопасить армию от флангового удара – шла русско-турецкая война.

По пути в Персию Грибоедов заехал в Тифлис.

«Я обедал у старой моей приятельницы Ахвердовой, за столом сидел против Нины Чавчавадзевой...

Всё на неё глядел, задумался, сердце забилося, не знаю, беспокойства ли другого рода, по службе или что другое, придало мне решительность необычайную, выходя из-за стола, я взял её за руку и сказал ей: “Пойдёмте со мной, мне нужно что-то сказать”. Она меня послушалась, верно, думала, что я усажу её за фортепьяно... Мы вошли в комнату, щёки у меня разгорелись, дыханье занялось, я не помню, что я начал ей бормотать, и всё живее и живее, она заплакала, засмеялась, я поцеловал её...»

Счастливчик Грибоедов, первый жених Российской империи, доживя до 34 лет и имея все регалии, о которых можно только мечтать, играючи получил в невесты пятнадцатилетнюю княжну Нину Чавчавадзе – к тому же она уже была чужая невеста! И тут же – буквально днями – повенчался с ней, несмотря на её юный возраст! И несмотря на то, что он (по своему положению) должен был получить высочайшее соизволение на брак от самого государя.

Но Грибоедов не ждёт – он получает разрешение Паскевича, ввиду той поспешности, с которой он должен покинуть Грузию, дабы ехать в Персию по месту своей службы. Паскевич берёт на себя смелость дать такое разрешение Грибоедову, зная, что не вправе этого

делать. Однако обстоятельства диктуют действовать без промедления – молодому послу нужно отправляться в путь.

Грибоедов остаётся дипломатом даже в письме к своему другу, которому он пишет: «Любовь не заглушит во мне чувство других обязанностей. Я буду вдвое старательнее за себя и за неё».

Николай I, которому доложили о нарушении, принял решение считать брак Грибоедова законным. Православная княжна из богатой семьи как невеста чиновника, разумеется, не вызвала возражений. К тому же она была дочь генерал-майора, грузинского поэта и общественного деятеля.

Лихорадка, внезапно посетившая поэта, ухаживания за ним юной невесты – всё это побудило Грибоедова спешить со свадьбой.

Вечером 22 августа 1828 года в тифлисском Сионском соборе состоялось венчание статского советника Александра Грибоедова и грузинской княжны Нины Чавчавадзе.

Из-за пароксизма лихорадки, охватившей его во время бракосочетания, он уронил на пол обручальное кольцо, что смутило многих, но впервые поэт чувствовал рядом с собой по-настоящему любимого человека.

На свадьбе – весёлой и неутомимой по-грузински – отплясывает лучший танцовщик Грузии юный Николо Бараташвили. Будущий грузинский Лермонтов со столь же трагичной судьбой и такой же сверкнувшей метеором короткой жизнью.

Вместе с женой в начале октября прибыл Грибоедов в Тавриз. Данное ему поручение было очень трудным: взыскать с персов полностью контрибуцию за прошлую войну. Он несколько раз писал в Петербург, что персидская казна пуста, а страна разорена и не следует доводить персов до крайности непомерными денежными требованиями, однако ответ из Петербурга был всегда один: взыскивать! С этой целью, оставив в Тавризе беременную жену, Грибоедов отправился в Тегеран.

Русско-иранские отношения осложнились действиями английской миссии в Тегеране, которая всячески настраивала местное население против русских.

О событиях, разыгравшихся в столице Персии, рассказал позже единственный уцелевший в той кровавой резне человек – первый секретарь русской миссии И. С. Мальцов. Началось с того, что служивший при дворе шаха в качестве одного из самых доверенных чиновников, ведавших делами гарема, армянин Ходжа Мирза-Якуб попросил у Грибоедова вернуть его на родину, в Эривань. Грибоедов вынужден был оставить его в доме миссии, спасая от фанатиков-мусульман. Кроме того, под крышей миссии скрывались женщины – грузинка и армянка – бежавшие из гарема.

На другой день посланник был у шаха и согласился на предложение Его Высочества разобрать дело, но сие совещание отлагалось со дня на день.

Между тем религиозные фанатики заявили муджтехиду (высшее духовное лицо): «Не мы писали мирный договор с Россией и не потерпим, чтобы русские разрушали нашу веру; доложите шаху, чтобы нам непременно возвратили пленных».

Наступило роковое число 30 января. С самого утра народ собирался в мечети.

«Идите в дом русского посланника, отбирайте пленных, убейте Мирзу-Якуба и Рустема!» – грузина, находившегося в услужении у посланника. Толпа в несколько тысяч человек с обнажёнными кинжалами вторглась в миссию. С час казаки отстреливались. Около 15 человек чиновников и прислуги в комнате у посланника мужественно защищались у дверей. В это время запылал потолок. Все находившиеся там были убиты. Начался грабёж. Деньги, бумаги, журналы миссии – всё было разграблено. Труп Грибоедова выволокли наружу и долго таскали по улицам Тегерана. Обезображенное тело было узнано только по сведённому когда-то от пули Якубовича мизинцу левой руки.

Только 2 мая гроб прибыл в Нахичевань. А 11 июня, неподалёку от крепости Гергеры, произошла знаменательная встреча, описанная Пушкиным в «Путешествии в Арзрум»: «Я переехал через реку. Два вола, впряжённые в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. «Откуда вы?» – спросил я. – «Из Тегерана». – «Что вы везёте?» – «Грибоеда».

Нина Грибоедова узнала о трагической гибели мужа из случайного разговора – до этого страшную новость от неё тщательно скрывали. Потрясение было столь сильным, что начались преждевременные роды. Сын Александр прожил совсем недолго...

Нина похоронила мужа в Тифлисе – в монастыре святого Давида на горе Мтацминда. Она поставила над могилой скульптурный памятник, начертан на нём: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?»

Через полвека поэт Яков Полонский посвятит её памяти стихотворение:

...Там, в тёмном гроте – мавзолей,  
И – скромный дар вдовы –  
Лампадка светит в полутьме,  
Чтоб прочитали вы  
Ту надпись и чтоб вам она  
Напомнила сама –  
Два горя: горе от любви  
И горе от ума.

Официальная миссия, возглавляемая внуком персидского шаха Хосров-Мирзой, принесла не только официальные извинения России за смерть её посланника, но и преподнесла Николаю I один из самых знаменитых драгоценных камней мира – алмаз «Шах». Это была цена крови великого поэта.

Но история необычной жизни поэта-дипломата на этом не завершилась.

Осталась навсегда верна ему юная грузинская жена, до самой смерти носившая по нему траур. В шестнадцать лет Нина надела чёрное вдовье платье. Ей выписывали из Парижа наряды – бархатные, шелковые, гипюровые, но цвет был всегда один и тот же. За это её называли Чёрной Розой Тифлиса.

Это она подарила Лермонтову, с которым была дружна, кинжал, принадлежавший её славному мужу. Лермонтов бережно хранил его и увековечил в стихах:

### Кинжал

Люблю тебя, булатный мой кинжал,  
Товарищ светлый и холодный.  
Задумчивый грузин на месть тебя  
ковал,  
На грозный бой точил черкес  
свободный.  
Лилейная рука тебя мне поднесла  
В знак памяти, в минуту расставанья,  
И в первый раз не кровь вдоль  
по тебе текла,  
Но светлая слеза – жемчужина  
страданья.  
И чёрные глаза, остановясь на мне,  
Исполнены таинственной печали,  
Как сталь твоя при трепетном огне,  
То вдруг тускнели, то сверкали.  
Ты дан мне в спутники,  
любви залог немой,  
И страннику в тебе пример  
не бесполезный:  
Да, я не изменюсь и буду твёрд душой,  
Как ты, как ты, мой друг железный.

В Тегеране, в саду, который принадлежит России – по легенде этот сад выиграл в карты русский офицер и подарил его своим соотечественникам – на территории, ныне принадлежащей Российскому посольству, воздвигнут памятник. Поэт сидит вольно в кресле и читает книгу. А, может быть, обдумывает будущую?

